

ПРАВО НА СОЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ И ОБЯЗАННОСТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Г А Я Н Е Ш А В Е Р Д Я Н

*Нет человека опаснее того,
кто хорошо действует, но плохо мыслит.*

П. Валери

Проблема социального влияния имеет историю длиною в историю человечества. В древности влияние одного человека на другого рассматривалось как магическое воздействие и отмечалось маркерами черной или белой магии. Глубинное различие черной и белой магии строится не на примитивном понимании нанесения вреда другому человеку, а на различии мотивационного компонента того, кто осуществляет магическое действие. Даже тогда, когда отсутствует прямой вред, при черномагических действиях прежде всего задействован эгоистический интерес. Так, белый маг (посвященный или просветленный) не вправе употреблять свои магические знания или умения даже в том случае, когда что-либо угрожает его собственному здоровью или жизни. Все, что приносит материальную или психологическую выгоду ему самому, должно быть исключено не только из его действий, но также из его мыслей и переживаний. Именно это составляло и составляет внутреннее строжайшее правило и первое условие белого мага. Его психика должна быть очищена не только от какой-либо прямой и осознанной социально-психологической выгоды, как то власть, уважение или почитание, но и от первичных, вторичных и прочих психологических выгод, гнездящихся в его подсознании.

Такое трудновообразимое для нашего хищнического века условие предполагает высшую степень нравственного развития, которое не представляется возможным постичь без понимания человеческой свободы. Все, что делается свободно в самом широком понимании этого слова, является нравственным абсолютом, а там, где есть хоть какая-либо несвобода и принуждение, мы не вправе говорить о нравственности. Самая широкая собственная независимость, а также строжайший контроль над тем, чтобы не нарушалась чужая внешняя или психологическая независимость, соблюдение и восприятие чужой свободы как священного долга является неременным условием бытия белого мага, который обладает не только сознанием и самосознанием в обычном смысле слова, но надсознанием и осознанным высшим “Я” (по терминологии Р. Ассаджиоли). Соответственно свобода относится не к свободе делать то, что хотят различные “я” или selves материальной (инстинкты тела), социально-психологической (власть, уважение, социальное признание и пр.) или

психологической (сознательные или подсознательные импульсы и желания) идентичности, но то, что хочет действительная или истинная идентичность человека – его дух, т. е. белый маг должен обладать подлинной *автономией духа*, при которой никакое случайное проявление “боковых” идентичностей или selves не имеют на него влияния. Он не позволяет себе никаких тонких корректур действительности не только во влиянии на другого, но и в мыслях и суждениях, потому что не примешивает к своему истинному “Я” (Ф. Перлз) никаких внешних или внутренних каузальностей (клише, роли, интроекты, предубеждения и т. д.).

Эта автономия, однако, не предполагает т. н. квиетизма (*от лат. quies* «покой»), согласно которому культивируется мистико-созерцательный взгляд на мир и моральная индифферентность. Отрешённость, пассивность, аффективная тупость, безвольная, фаталистическая покорность божественной воле по формуле “ни желать, ни противиться” (“*ni désirer, ni refuser*”), не может быть признаком белого мага. Наоборот, он вовлечен в интерес другого человека и сообщества в целом, мысля не субъективно-вовлеченно, не объективно-отрешенно, а эмпатически. Именно «мысля», потому что не к эмоции, а к мысли относится известное эмпатическое требование К. Роджерса, который разделял три типа знания: субъективное, к которому нас склоняет психодинамическое направление, объективное, апологетом которого является позитивистская психология, прежде всего бихевиоризм, и эмпатическое знание, ограниченное только нашей неспособностью вникнуть в другого¹. Ибо без этого условия эмпатия легко перетекает в заблуждение и приводит к массе психологических проблем. Согласно Абеяру, «порок – это то, благодаря чему мы склоняемся к прегрешению, т. е. то, что заставляет нас сочувствовать тому, чему сочувствовать не надлежит, что, к примеру, мы можем сделать или можем прекратить делать. Но это сочувствие мы называем собственно грехом, или изъяном души»². А что, если не мышление, способно различать то, чему сочувствовать надлежит, от того, чему не надлежит сочувствовать? Без сознательных усилий по выработке мышления, различающего отмеченное «надлежащее», сегодня категорически недостаточно эмпатизировать эмоционально, поскольку психологические ошибки проникают в области, где сознание, убаюканное эмоциональностью, спит. Итак, с одной стороны, необходимо мыслить сознательно, расчищая бессознательные содержания, которые приносит с собой эмоциональная эмпатия, а с другой – мыслить не бессердечно, а эмпатично. Вот два условия, которые стоят на пути к любому использованию другого в своих интересах.

Малейший эгоистический интерес, малейшая выгода или безразличие к другому может отличить благодатное воздействие одного человека на другого от безобразного его использования. В обоих случаях проглядывается магический элемент воздействия, и с этой точки зрения современные способы манипулятивных воздействий можно рассматривать как примитивный аналог чер-

¹ См.: **C. R. Rogers**. *Toward a Science of Person*. In: *Behaviorism and Phenomenology* by T.W. Wann, Chicago-London, 1964, с. 116.

² **Петр Абеяр**. *Этика, или Познай самого себя*. Теологические трактаты, с. 248–249 // www.antology.rchgi.spb.ru

ной магии, некую тираническую, абсолютно не осознаваемую власть, кружащую над нашей внутренней жизнью. Разумеется, что искусство манипуляции, замешенное на точном знании оккультных истин, неправомерно сравнивать с его примитивным, упрощенным и замешенным на крупных или мелких коммерческих предприятиях “выродком”. Но аналогией с магией мы желали заострить внимание на сходстве белой и черной магии с позитивным (негативным) социальным влиянием с точки зрения их внутренней мотивации.

Другим важным отличием позитивного социального влияния (или белой магии) от негативного социального влияния (черной) является тот факт, что первое ведет к удовлетворению духовных потребностей, второе – материальных, первые одухотворяют материальное в мире, вторые – материализуют тонкие невидимые психические потоки взаимных влияний. Когда ученый исследует законы материального мира, например, законы природы, он схватывает закономерности, согласно которым в природе действует дух. Так, при исследовании соматических нарушений обнаруживается, каким образом в ней функционирует психическое и духовное. Тем самым ученый осмысляет, “утончает”, “очищает”, очеловечивает, оживляет и одухотворяет материальный или физический мир. В случае манипулятивного влияния наблюдается обратная картина: манипулятор материализует, умерщвляет, огрубляет и “заляпывает” психический и спиритуальный мир. Однако может произойти и обратное, когда манипулятивный прием относится именно к духовному миру, как это имеет место быть при манипулятивных приемах сектантов. Эти два мира только тогда соотносятся и совпадают, когда идут друг другу навстречу, когда психическое не оказывается у материального в служанках, а материальное, с вершины психического, не игнорируется и не презирается. В проекции на манипулятора в одном случае мы имеем дело с человеком с установкой на бездушный мир мертвой природы, преследующим свои цели человеком-зверем, для которого объект манипуляции также неодушевлен, во втором – с человеком с тонкой дереализационной патологией, неким «ангелоподобным» существом, мягко увлекающим за собой воздействуемого в свои заоблачные реалии. Последний напоминает персонажа японской мифологии Конаки-дидзи – маленького ребенка, плачущего в лесу. Если кто-то подберет его, Конаки-дидзи начинает стремительно набирать вес и раздавливает своего спасителя. В первом случае воздействующий аморален, во втором – внеморален, по крайней мере на первый взгляд, пока не «раздавливает своего спасителя». Если в первом случае скрытая цель манипулятора относительно легко декодировать, то во втором она трудно поддается определению.

Еще одна существенная разница между позитивным и негативным влиянием заключается в том, что при негативном воздействии* манипулятор не выходит за пределы ближайшей и сиюминутной выгоды, действуя в режиме “здесь и теперь”, в то время как глубинное позитивное воздействие основано на свободной передаче абсолютных и “времяупорных” истин, на культивиро-

* Некоторые авторы подразумевают под воздействием насильственное и агрессивное действие на другого в отличие от влияния, которое, как они считают, добровольно и осознанно. В данной статье мы не будем различать эти термины.

вании высших чувств – познавательного, эстетического, морального или религиозного. Радикально выражаясь, все, что возникло, пребывало и исполнилось во времени, вне зависимости от того, позитивен этот контент или нет, не может стать предметом воздействия.

Принципиально важно, что воздействующий действует не помимо сознания воздействуемого, а наоборот – расширяя, просветляя и поднимая уровень сознания объекта воздействия, причем не различными приемами, а через передачу знания, которое само по себе побуждает к определенным переживаниям. Естественно, что сам воздействующий действует в полном сознании, понимая долговременные последствия передаваемого знания, но при этом совершая это воздействие так, чтобы волевые импульсы к действию воздействуемый вырабатывал самостоятельно и свободно. Правомерно только и только воздействие на сознание, которое может свободно побудить к волевому действию, и наоборот – неправомерно то воздействие, которое действует на волю в обход сознания. В этом случае воздействующий плодит не менее опасных людей, чем он сам, а в определенном смысле даже более опасных (вспомним эпитафию из П. Валери), потому что знающий, что творит, имеет больший шанс переосмыслить свой поступок, чем незнающий. Итак, при негативном или манипулятивном воздействии, вне зависимости от содержания воздействия (оно может даже быть позитивным в обычном значении слова, например, “давай дружить” – словарь манипулятивной игры многообразен), волевой импульс к действию формируется помимо сознания объекта манипуляции.

Наконец, разрушительно или манипулятивно воздействующий не несет ответственности за последствия влияния, в то время как благотворно воздействующий осуществляет “катамнез” – он следит за дальнейшим развитием личности, на которую он повлиял, ощущая всю серьезность своего вмешательства в сознание, переживание, поступок и, возможно, в судьбу. Примерами такого влияния служат образование или психотерапия, и методы психотерапии, как и терапевты, могут быть классифицированы по этому принципу.

Как позитивно, так и негативно воздействующий действуют со знанием дела (мы здесь не касаемся бессознательного манипуляторного воздействия), но если первый опирается на разум в расширенном понимании слова, т. е. разум, включающий мышление, рефлексивность, самосознание и т. н. “разум сердца”, то второй – на калькулирующий филистерский интеллект, просчитывающий ходы методично организованного социального воздействия. Таким интеллектом Гете наделил суррогатного человека – Гомункула, пример которого показывает, что ассоциативный ряд мыслей, развиваемый вне ответственности перед истиной и в согласии с выгодой, производит невидимую вивисекцию живого мыслительного процесса. *Выгода всегда есть мыслительный произвол, попирающий объективное в мысли.* Истерический невроз представляет собой гипертрофированную парадигму мышления, всецело идущего на поводу у выгоды. Объективная мысль неприятна истерической личности, поэтому та отклоняет ее и делает свое мышление служанкой удовольствия и выгоды. Отсюда лабильность межличностных связей, ведь для нее хорош тот, кто по-

ливаает ее “нарцисс”, а поливающий сегодня может не поливать завтра, отсюда перманентность очарований и разочарований с последующими конфликтами.

Подобная психология принимает в наши дни глобальный размах. Проникшая в мышление выгода и основанные на ней добыча нефти, распродажи, товарооборот и прочие атрибуты счастливых наращений плодят необъективно мыслящих – шарлатанов, причем внутри этой огромной группы сложился некий договор: они не мешают друг другу дурить людей и зарабатывать капитал, ибо зачем тратить психическую энергию на конфликт с правдолюбцем или другим лугом, если можно потратить ее на совершенствование во лжи и мастерстве воздействия на психику людей? Пиар (иногда его называют “политический гипноз”) превратился в придаток не только коммерции и политики, но и науки (и в науку). Медицина, к примеру, интересуется не феноменологией болезней или выяснением влияния психики на сом, а механизмами производства и продаж медикаментов (если надо продать аспирин, то оказывается, что он лечит рак, а если надо продать другое лекарство, то аспирин вызывает рак; как по заказу возникает свиной грипп и пр.). Происходит повсеместная “деконцентрация”, а форма, которую непременно хотят “продвинуть” помимо сознания, удачно продвигается.

В свое время сталинисты считали все исторические войны царской России несправедливыми и экспансионистскими, а войну 1939 года против Финляндии справедливой. Непризнание геноцида армян ведущими державами объясняется невыгодностью, а те, кто по тем или иным причинам хочет “прищучить” Турцию, напоминают ей о геноциде. Лозунги и речи глав правительств носят отвлекающий характер, под них подводятся выгодные для сохранения власти действия. Чтобы на какое-то время сохранить власть, ложь и субъективность эффективней правды и объективности, но нечистоплотность мысли порождает неверие в слово, дисфункциональность мышления, девальвацию идей и замену идентичности на ее суррогат – гомункулизм, которым проникнут современный мир. Партийные, выборные, торгово-рекламные агитации, различные материальные и психологические выгоды во внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии максимально редуцируют значение мышления к сиюминутной выгоде. Единственное спасение современного западного человека от цивилизации рационализма, как утверждает французский философ М. Клавель, – это “пробуждение от сна относительно чудищ, которых порождает разум”³. Сказанное как нельзя более кстати относится к обсуждаемой теме: если к чудовищу, порождаемому сном разума, можно отнести субъекта манипуляции, бессознательно впитывающего любой контент, то впереди субъекта стоит не менее чудовищный объект. Разум, направленный на выгоду и подпитываемый диким духом конкуренции, порождает “разумные” манипулятивные техники. Вот какую картину рисует антиглобалист и политолог Джульетто Кьеза: “Нами манипулируют, нас оболванивают! Людей превратили в инструменты покупки. Мозги абсолютного большинства контролируются. Мы живем для рынка, когда работаем и когда отдыхаем. Именно он диктует нам наши действия. Мы не свободные люди. Журналисты

³ Цит. по: Кутасова И. М. Антифилософия "Новой философии". М., 1984, с. 47.

должны информировать об этом людей. Но СМИ об этом молчат. Телевидение 24 часа говорит нам, что надо покупать вещи, что наша шкала ценностей – это покупательная способность. Реально в современном телевидении непосредственно информации не более 8%. Все остальное реклама и развлечение. И формируют человека в итоге эти самые 92%. Я национализировал бы СМИ. 50 лет назад личность человека формировалась в семье, школе, иногда – в церкви. Сегодня на 90% мышление молодых людей формируется телевидением. ТВ стало самой важной культурной структурой по всему миру, от США до Индии и Китая. Система СМИ – это фундаментальные права людей, и они не могут быть приватизированы. Их надо возвращать государству и народу. Рассказать о ситуации на планете людям без участия телеканалов невозможно. А вместо этого телевизор уговаривает нас купить ещё одну машину. Точно так же я уверен, что надо национализировать все банки, выпускающие деньги. Мы также теряем контроль над деньгами”⁴.

Что же это за разум, который порождает чудовищ? Разум, дереализующий действительность, чтобы вместить ее в потребности природы и консюмеризм. В противоположность ему разум, познающий глубинные корни бытия, себя и смыслы сущего, держится действительности, которую напечатлевает ему дух. Обожествленный разум и демонизированный рассудок идут разными путями и выполняют в человеческой психике различные задачи. Шеллинг назвал природу “несозревшей разумностью”, а понимание природы – историей мирового духа. Манипулятор видит себя как «созревшую разумность», другого – как «несозревшую разумность», доволен этим и завершает круг, не делая ни единого шага в понимании себя и другого. Стоит ли говорить, что вследствие этого он с самого начала бездуховен? Социальное влияние, построенное на выгоде и потребностях четырех уровней мотивации без пятой, завершающей вершины духовных потребностей в мотивационной пирамиде А. Маслоу, вызывает социальный сон, оно есть оборотень разума, несмотря на логичность и иллюзию здравого смысла. Именно здравый смысл видят позитивисты-психологи, радующиеся манипулятивным техникам и благодаря им изрядно зарабатывающие. Они убеждаются в эффективности лжи и бессилии сознания. Нлписты, к примеру говорят об этом без прикрас: “Мне не важно, что хочет сознание. Сознание глупо”. Или: “Рефрейминг – не надувательство. Не способ обмана. Он действует потому, что соответствует благоустройству личных потребностей”⁵. Естественно, говоря, что это не надувательство, нлписты имеют в виду именно надувательство (при всей фантазии мы не можем представить экзистенциалиста или гештальтиста, оправдывающегося, что он вас не обманывает, не надувает). В. Шмаков называл такой разум низшим, а апофеозом гипертрофированного низшего разума считал воинствующий позитивизм. «Представители позитивизма признали единственным залогом всяческого успеха “средний разум” или разум т. н. “нормального человека”. Он общий для всех людей, справедливость его заключений доступна проверке каждому, и

⁴ Интервью с Дж. Кьеза // sevastopol-tv.ru.

⁵ Бендлер Р., Гриндер Дж. Рефрейминг. НЛП, ориентация личности с помощью речевых стратегий. Воронеж, 1995, с. 38, 48.

это вполне гарантирует его абсолютную верность и не менее же абсолютное достоинство осуществляемой им миссии»⁶. Современные политтехнологи и активные манипуляторы всех мастей приняли бы эти слова как высокую оценку их деятельности, но автор противопоставляет мефистофельскую безжизненность окостенелого низшего разума высшему разуму, который тяготеет к становлению духа, ибо его служители несут тихий, но могучий и радостный свет Логоса.

Быть позитивистом удобно и легко: увидел-зафиксировал-запомнил-взял-на-вооружение- утилизировал. Вот почему процветают рекламодатели различных техник скрытого, “партизанского” гипноза, обещающие мгновенно вызвать симпатию, притянуть деньги и обеспечить секс с кем угодно. Вы можете подчинять, управлять, подавлять, другие будут выполнять ваши тайные указания, но никто не услышит вашу команду, они даже не будут понимать, что эта команда пошла от вас, а когда вы будете притягивать к себе других, они даже не осознают, почему они к вам тянутся. Позитивизм и связанная с ним леность мышления ужасна не сама по себе, а по своим последствиям: отторгается любая особость и индивидуальность, отвергается иной образ мира, а на сознание накидывается сеть, формирующая массовое сознание. Человеку не хватает психических сил для обнаружения и преодоления механизмов влияния, делающих из него послушное животное, готовое на все, только бы не прикладывать усилия для самостоятельного мышления. Анестезия к восприятию этих явлений длится до тех пор, пока обнюхивающий свою выгоду на десять шагов вперед не поглотит его окончательно, и опасна тем, что поглощенный, даже при запоздалом осознании, не сможет предоставить поглотившему счет, ибо последний действует бесконфликтно, эффективно, тонко, хитро, незаметно и с комфортом*.

Мы повторили известный опыт о влиянии группы: предъявили фотографию мужчины и попросили выйти из аудитории шестерых студентов, сказав двоим, что это матерый преступник, двоим – известный ученый, двум другим – талантливый стилист, а затем попросили описать человека на фотографии. Готовность быть послушным “всем ветрам” обнаружилась у пяти из шести студентов. В сочинении на свободную тему они продемонстрировали леность и несамостоятельность мышления. Перенимать чужие мысли легко и не требует усилий, но взамен человек платит самым дорогим – отказывается от свободы мыслить нестандартно. Ставка на автоматическое стереотипное мышление и поведение у людей превалирует, считает Р. Чалдини, поскольку во многих случаях оно наиболее целесообразно. “Люди склонны осмысленно реагировать на информацию тогда, когда у них есть и желание и возможность тщательно ее анализировать; в противном случае люди обычно предпочитают реагировать по типу *щелк, зажужжало*”⁷. С этим напрямую связаны активный нейтралитет по отношению к познанию, почти клиническая тяга к легкой

⁶ Шмаков В. Основы пневматологии. Теоретическая механика становления духа. М., 1923, с. 147.

* «Из миски есть, купаться в ванне с пеной / И подставлять доверчиво живот... / И лишь потом – не сразу, постепенно, / С анестезией – он меня сожрет» (Л. Лобанова).

⁷ Чалдини Р. Психология влияния. М., 2002, с. 9–10.

жизни, мораль ленивца, нетвердость характера и постоянные двойные стандарты. Корень последних лежит не в этической сфере (этика выявляется потом), но в технике мышления, обходящегося без своего основного инструмента – воли к истине. “В доме твоём не должны быть двойные гири, большая и меньшая... ибо мерзок пред Господом... всякий делающий неправду” (Второзаконие, 25:14,16).

“Довольный тем, что избавился от неприятной необходимости мыслить, – пишет Ф. Шиллер, – человек предоставляет другим право опеки над своими понятиями”⁸. Не идти на поводу у шарлатана (преподавателя, церковного авторитета, политического лидера, друга, коллеги, соседа) в процессе социального взаимодействия – задача не из легких. Также трудно прислушаться к носителю истины. Последний зачастую “некомфортен” в общении, иногда категоричен, побуждает подняться над собой, развиваться и перерасти себя. Из всех сил человек сопротивляется этому: “Должно быть, есть нечто в душах человеческих, что препятствует восприятию истины, как бы сильно она ни светила, и признанию ее, сколь бы она ни была убедительной. Необходимы энергия и мужество, чтобы преодолеть преграды, которые противопоставляются приобретению знания как природной ленью, так и трусостью сердца”⁹. В противоположность этому интеллект предоставляет широкие возможности для калькуляции успешности и легкодостижимой социальной адаптированности, но в обход переживанию и сердцу. Корни этой тенденции возникают еще в школе, которая нивелирует переживание и возносит интеллект. Такое положение вещей имеет психофизиологическую причину. В век бешеных темпов жизни человек испытывает катастрофическую нехватку времени, между тем как развитие чувственной и волевой сфер требуют больше времени, чем интеллектуальная. Любой педагог знает, что воспитание чувства и воли протекает гораздо медленнее, чем развитие интеллекта. Современный человек стал чрезвычайно разумным, но не знает, как быть с другими силами своей души. Г. Померанц предлагает развивать эти другие силы – переживание и волю – посредством школы, где учили бы *паузе созерцания* через искусство¹⁰.

Кроме того, в современном мире девальвировалось само знание. Если в древнем мире “знание” было мистериальным и ощущалось как потребность духа (в расширительное понятие которого входили также душа и тело), в средние века – сакрально-идеалистическим, ощущалось как потребность души, в индустриальном мире – материалистическим и ощущалось как потребность тела, то сейчас оно по большей части механистично и соответствует компьютерно-безжизненному телу, коим без чувственно-волевой сферы является интеллект¹¹.

Вырисовывается порочный круг: для истины необходимы “энергия и мужество” (Ф. Шиллер), а последние приобретаются на пути поиска истины.

⁸ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М., 1957, с. 274.

⁹ Там же, с. 273.

¹⁰ См. Померанц Г. Пауза созерцания // «Дружба народов», 2002, № 2 // <http://magazines.russ.ru/>

¹¹ Подробнее об этом: Шавердян Г. М. Образование как проблема и перспектива // «Университетское образование в 21-м веке». Ер., 2010, с. 41–51.

Когда в психике безраздельно властвует интеллект (рассудок или “низший разум”) со своими подсчетами выгод и упущений, воспитывается “природная лень и трусость сердца” или “природная трусость и сердечная лень”. Подобная картина наблюдается не только в образовании, но и в психологии – с легкой руки Г. Гарднера психология уже несколько десятилетий носится с неразличением эмоций и интеллекта и различием эмоционального, морального, музыкального, социального и прочих видов интеллекта, тем самым усложняя категориальный аппарат науки и хаотизируя понятийный мир психологии человека.

Подведем некоторые итоги. Согласно принятой дефиниции, социальное влияние есть определенный посыл к другому человеку или группе лиц, имеющий признаки мотивационности, информационности и коммуникативности. Вышеизложенное различие черной и белой магий дает возможность определить *мотивационный* компонент этого посыла: эгоистический интерес, выгода, временной режим “здесь и теперь”, отсутствие ответственности, нацеленность на материальное и другие характеристики с соответственной поллярной противоположностью – ответственность, духовность и пр.

Что касается *информационности*, то вне мотивационного компонента мы не можем отличить характер влияния: информация безлична, одна и та же информация может быть использована как манипуляция и как чистая информация без манипулятивных вкраплений. Более того, манипулятивная информация может быть воспринята как познавательное содержание, игнорирующее мотивацию адресующего ее. Если кто-то культивирует ненависть к третьему лицу, посылая информацию второму лицу, то последнее может воспринять эту же информацию эмпатически, утверждаясь в позитивном отношении к третьему. Таким образом, само по себе содержание информации не дает знания о том, имеем мы дело с социальным влиянием манипулятивного характера или нет. То же можно сказать о *коммуникативном* аспекте. Любой посыл содержит коммуникацию, даже если мы имеем дело с давно умершим автором. Мы коммуницируем с Пифагором, когда мы читаем его “Золотые стихи”, и его идеи влияют на нас. Но мы уверены в чувстве его ответственности и в том, что в интенция Пифагора – не запутать наше сознание, а в силу наших возможностей прояснить. Коммуникация, или общение, имеет цель, и если она нам не ясна, опасность воздействия возрастает. Следовательно, о социальном влиянии или воздействии мы вправе говорить только при условии, что ставим во главу угла мотивацию адресующего. Разделение посыла влияния на информационность, коммуникативность и мотивационность носит исключительно аналитико-теоретический характер.

Избежать социального влияния не представляется возможным – в самом широком смысле влияние есть сама действительность или жизнь, а точнее, та ее половина, которая относится к получению “питательных веществ” из внешнего мира. Ф. Перлс разделял действительность на две половины. Внешний мир воздействует на нас различными впечатлениями, которые посредством ощущений и восприятий вливаются в нас. Когда же благодаря мышлению эти впечатления упорядочиваются и осознаются, т. е. когда из внутреннего мира

нечто присоединяется к непонятному и незавершенному внешнему миру, только в этом случае две половины действительности соединяются и мы получаем полную действительность. В точке пересечения этих двух формируется гештальт, а их нестыковка приводит к незавершенности гештальта и невротическим механизмам¹². О социальном влиянии мы можем говорить только тогда, когда человек имеет *целевую программу* воздействия на другого или группу лиц, а не воздействует подсознательно и без заранее намеченной цели. Если же мы осознаем цели и намерения такой программы, то в случае ее позитивности мы свободно ее принимаем, а в случае негативности – свободно отклоняем, т. е. имеет место завершение гештальта. Таким образом, краеугольным камнем как самого социального влияния, так и защиты от влияния является осознание целей и намерений субъекта влияния и свобода принять или отклонить это влияние со стороны объекта влияния.

Манипуляции противоположны две вещи – доверие (вор не крадется в настежь открытые двери) и прямое насилие (открытость обесмысливает манипуляцию). Если прямой насильственный посыл, заключенный в словах “всё, что в моих интересах, отвечает твоим интересам”, для манипулирующего содержит опасность провала, то другой посыл – “я сделаю так, чтобы ты думал, что то, что в моих интересах, также и в твоих интересах” – обеспечивает успех манипулирующему.

Однако более всего манипуляции противоположны свобода и ответственность. Свобода предполагает поступок в соответствии с “Я” («надо жить из Я», повторял Юнг) и собственной идентичностью. Открытый насильственный посыл навязывает психологическое содержание другому, но не разрушает его идентичности, в худшем случае психически его травмирует. При сохранности идентичности впоследствии это может сгладиться, но если психологическое содержание навязывается путем манипуляции, то идентичность другого искажается или уничтожается, потому что человек лишается возможности «жить из Я». Когда же человек постоянно разгадывает манипуляционные ходы (разумеется, параноидность здесь исключается), это подрывает его доверие и веру в человеческое бытие. Доверие в межличностном взаимодействии есть дарение, это – свободная и щедрая инвестиция в межличностное взаимодействие. Ответ на доверие обманом или манипуляцией порождает у манипулирующего психологический долг, который откладывается в подсознании тяжелым грузом, раскалывая психику надвое: в своем интеллекте и рассудочных построениях человек доволен, что добился своего, в своем подсознании неспокоен и терзается немотивированной тревогой, неуверенностью и спадом настроения. Тот же, кто инвестировал доверие в манипулятора, ожидает возврата долга, что проявляется обидой, ранимостью и гипербоддрственными (startle reactions) реакциями в процессе межличностного общения.

Постоянное доверие к человеку, полностью исчерпавшему кредит доверия, раскалывает психику на сей раз доверяющего: на интеллектуально-рассудочном уровне повторное доверие воспринимается как кретинизм, на эмоциональном – как виктимизация, и только с точки зрения Высшего “Я” повторное

¹² См.: **F. Perls**. Gestalt Therapy Verbarium. USA, 1976, с. 2.

доверие к человеку, не заслуживающему этого, является следствием предельной степени ответственности и проявлением сознательной и свободной жертвенности.

Ключевые слова: *социальное влияние, манипуляция, мотивация, интеллект, эмпатия*

ԳԱՅԱՆԵ ՇԱՀՎԵՐԴՅԱՆ – Սոցիալական ներազդման իրավունքը և պատասխանատվության անհրաժեշտությունը – Հոդվածում անդրադարձ է կատարվել սև/սպիտակ մոգության և դրական/բացասական սոցիալական ներազդման նմանությանը: Ցույց է տրված, որ սոցիալական ներազդումից պաշտպանվելու համար կենտրոնական նշանակություն ունի նպատակների և մտադրությունների գիտակցումը: Վերջինս պայմանավորում է այդ ազդեցության բովանդակությունը ընդունելու կամ մերժելու ազատ ընտրությունը: Այլ կերպ ասած՝ սոցիալական ազդեցության դրդապատճառային բաղադրիչը ավելի կարևոր է, քան դրա տեղեկատվական և հաղորդակցական տարրերը:

Բանալի բառեր – *սոցիալական ներազդում, մանիպուլյացիա, մոտիվացիա, ինտելեկտ, ապրումակցում*

GAYANE SHAHVERDYAN – Right to Social Influence and Duty of Responsibility. – The author draws parallels between white/black magic and positive/negative social influence. It is shown, that for protection against the impact, the awareness of the aims and intentions of the subject of influence are central. This determines the freedom to accept or reject content of the influence. In other words, the motivation component of social influence is more important than its information and communication parties.

Key words: *social influence, manipulation, motivation, intellect, empathy*